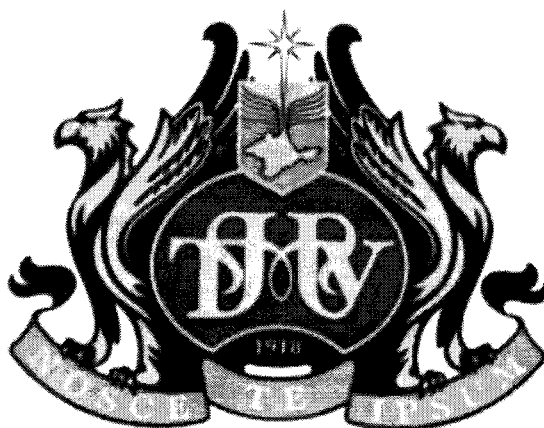

**ТАВРИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени В.И. Вернадского
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СЕТЬ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ
БОЛГАРСКИЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР**

XIII Международный семинар

**«ЭТНИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ:
ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНО-
СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ
МОБИЛИЗАЦИИ»**

ТЕЗИСЫ

22-23 мая 2014 г.

Ялта, Ливадия

реализовать себя в бизнесе. Подчеркнем: речь идет об отказе от данных перспектив. Но если суммировать данные по позиции «хотелось бы, но вряд ли смогу добиться этого» и «в моих жизненных планах этого нет», то молодежная подгруппа снизившая уровень своих притязаний, сознательно ориентированная на пассивность к завершению периода молодости (т.е. к 29 годам) увеличивается в среднем вдвое, и достигает около 30%.

3. Неуверенность в стабильности политической обстановке и перспективе роста экономической эффективности республики обуславливает высокий уровень недоверия молодежи основным субъектам республиканского управления: органам власти, местному самоуправлению и политическим партиям. Наиболее позитивное отношение у молодежи сохраняется к силовым структурам федерального уровня и федеральным органам власти. На республиканском уровне наиболее высок уровень доверия к суду и прокуратуре. Суммарное отношение к республиканским органам власти (сумма позиций «абсолютно доверяю» и «доверяю») уступает недоверию, о чем свидетельствует и разница между числом респондентов доверяющих и не доверяющих республиканским органам власти. Такая позиция подтверждается и ответами молодежи на вопрос о наличии в республике общественного деятеля, который вызывает доверие и пользуется авторитетом у молодежи. Утвердительно на этот вопрос ответили только 10,9% респондентов. Иными словами, 90% молодежи не видят образца позитивного общественного деятеля, позиция и убеждения которого вызывают доверие и заставляют прислушаться. К общей неудовлетворенности жизнью в КБР, которую высказала молодежь, добавляется также оценка общественно-политической ситуации в республике как нестабильной (69,5%). При этом 20 % респондентов прогнозируют в ближайшее время ухудшение ситуации, еще четверть (26,9%) надеются на улучшение, и около 30% полагают, что она останется без изменений. То есть, более половины респондентов не ожидают и не надеются на преодоление ситуации политической нестабильности, которая сложилась к настоящему времени. Основное большинство респондентов (около 65%) склонны видеть причину этого – в бездействии органов власти, 36,4% из них указывают при этом на бездействие республиканской власти.

4. Рост социального пессимизма открывает несколько возможных стратегий адаптации молодежи к социальным условиям, которые расцениваются как несправедливые: а) установку на поиск всевозможных дополнительных заработков, которую разделяет чуть больше половины респондентов; б) выезд за пределы республики и северокавказского региона, к которому готовы до 15% респондентов; в) участие в протестном движении и акциях протеста, готовности к которому выражают примерно 5% респондентов. Иными словами, молодежь КБР проявляет в целом пассивно-конформистский тип социальной адаптации.

ИРИНА ПОПРАВКО

ОРАЛМАНЫ: «СВОИ» VS «ЧУЖИЕ» (СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КАЗАХСТАНЕ)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009)

По утверждению известного казахстанского демографа Александра Алексеенко, в истории населения Казахстана выделяется три периода с различным этническим содержанием. Первый длился с 1897 по 1959 гг., и характеризовался ростом численности населения преимущественно за счет европейских народов (русских, прежде всего), что являлось следствием государственной политики, как Российской империи, так и СССР. Временной отрезок 1959-1989 гг. автор называет «промежуточным», «инерционным». Он характеризуется продолжением роста числа европейцев, но при этом темпы роста азиатских этносов намного выше. Увеличивается удельный вес казахов в составе населения. Третий, суверенный, этап (1989 - 2009 гг.) ликвидирует этнодемографические последствия первых двух этапов. Проводимая казахстанскими властями политика репатриации этнических казахов (оралманов) на историческую родину с середины 1990-х годов, целью которой является ликвидации этнодемографических диспропорций, способствовала тому, что в конце XX – начале XXI вв. казахи стали абсолютным большинством населения в Казахстане [1. С. 570].

Для привлечения оралманов в Казахстан властями принимается ряд поощрительных мер. Переселившиеся казахи (в основном с территорий Узбекистана, Таджикистана, Китая и Монголии), получая статус «оралмана», получают ряд экономических, социальных, правовых и других преференций, решаясь с помощью этих мер задача – успешная адаптация и интеграция этнических казахов-переселенцев в современное казахстанское общество.

Однако декларируемые цели и поставленные задачи совершенно очевидно преломляются сквозь призму существующих в современном Казахстане экономических и социокультурных реалий. Наделяя переселенцев статусом «оралман» (а соответственно и рядом привилегий), государство в то же время маркирует их как особую группу, которая в большинстве случаев воспринимается «местными» казахами, как «чужие». Таким образом, государство выступает одним из акторов процесса конструирования идентичности оралманов и способствует воспроизводству границ между принимающим сообществом казахов и репатриантами. Еще одним (но далеко не последним) «игроком» на поле конструирования идентичностей является непосредственно само сообщество – как оралманов, так и местных казахов – особенно в ситуациях повседневного взаимодействия.

Целью настоящего сообщения является показать, каким образом на уровне повседневных интеракций и дискурсивных практик конструируется и воспроизводится граница между «своими» и «чужими» в казахстанском обществе в контексте «оралманской проблемы» (операционально-пригодные дифференциации «свои» – «чужие», по Н. Луману [3]), каким образом и в каких ситуациях происходит движение этих границ.

В качестве иллюстративного кейса будет использована Восточно-Казахстанская область (г. Усть-Каменогорск, поселки Шыгыс, Новоявленка), где в августе 2013 года мною было проведено разведывательное исследование. Выбор именно этого района Республики Казахстан обусловлен несколькими факторами, создающими особый контекст для маркирования границ: во-первых, большой концентрацией русского (русскоговорящего) населения; во-вторых, по результатам исследования, проведенного в 2005 году Центром социальных технологий, в Восточной области преобладает удельный вес критических оценок населения в отношении оралманов [2].

Среди информантов, местных казахов, распространено мнение, что оралманы делятся на тех, кто приехал в 1990-е годы и тех, кто в 2000-е, что они не поддерживают связь друг с другом. В интервью с оралманом, приехавшим из Монголии именно в 90-е годы, и уже добившегося довольно высокого социального положения, удалось уловить подобное отделение себя от оралманов 2000-х. Он уже стал «своим», и предпочитает причислять себя к группе местных казахов, дистанцируясь от оралманов, что является значимым моментом в идентификации. Статус «оралман» официально является временным (до получения казахстанского гражданства), однако реально он еще долго закреплен (как ярлык) за человеком.

В определениях оралманов самих себя существуют внутренние дифференциации по странам выхода. Основанием служит, как правило, язык (казахи из Монголии и Китая определяют друг друга по степени заимствования в казахском языке слов из соответствующих алфавитов – монгольского и китайского), а также некоторые особенности обрядовой стороны жизни (разница в проведении мусульманских обрядов). Кроме того, среди оралманов есть еще более дробная идентификация, не только обозначающая страну выхода, но также и регион выхода и особенности материальной стороны жизни.

Таким образом в ходе исследования удалось выявить несколько пар оппозиций «мы» - «они»:

- Русские – казахи;
- Русские – оралманы;
- Казахи местные – оралманы;
- Оралманы из Монголии – оралманы из Китая;
- Оралманы, живущие давно в КЗ – недавно переехавшие оралманы;
- Оралманы в городе – оралманы в Шыгысе;
- Оралманы Китая из района Алтай – оралманы Китая из района Тарбагатай.

Иными словами, именно так выглядят границы, по которым в повседневных практиках проходит деление внутри определенной части казахстанского сообщества, и которые во многом конструируются государственной политикой по отношению к репатриантам. Используя «этничность» (во многом понимаемую с точки зрения эссенциализма) как ресурс для создания единой нации казахов, власть не учитывает сложный характер «низовых» взаимодействий, что влечет за собой конфликтные ситуации.

Литература

1. Александр Алексеенко. Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков/науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск, 2010. – с. 567-592.
2. Оралманы: реалии, проблемы, перспективы // Демоскоп-Weekly. № 245-246 (1 – 21 мая), 2006 – Электронный ресурс <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0245/analit07.php> режим доступа: свободный.
3. Луман Н. Введение в системную теорию : пер. с нем. / под редакцией Дирка Беккера. – М., 2007.

МАРИЯ ПРЕДЕИНА

ВЛАСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Национальный вопрос как отображение внутривнутриполитических противоречий

Российскому обществу объективно присущи противоречия. Экономическое неравенство, выражающееся – по Марксу – в эксплуатации, а, значит, и в отчуждении человека от труда. То есть в отношении человека к труду как чуждой, принужденной (а не свободной) деятельности. Политическое неравенство, выражающееся в отчуждении государства от общества и человека от государства, в сведении свободы к фикции выбора. «Одномерность» человеческого бытия, проявляющаяся в ощущении себя человеком в животных функциях, в потреблении (но не в труде). Все эти противоречия, не будучи еще осознанными, обнаруживают себя для конкретного человека в смутном чувстве неудовлетворенности, протеста. Последнее побуждает человека к осознанию данных противоречий с целью их «снятия» в изменении «форм общения».

Изменение отчужденных «форм общения» от одних требует усилий, сопряженных с риском, а для других чревато потерей власти. Поэтому получает распространение искаженное отображение противоречий – замена действительных противоречий мнимыми. То есть отображение противоречий внутри общества как противоречий между обществами – точнее, между нациями. Такое отображение, с одной стороны, дает человеку иллюзию единства нации при расколе, силы при бессилии, богатства при бедности – бедный россиянин беспокоится о прибыли «Газпрома» (ведь тот «национальное достояние»), бесправный россиянин защищает неприкосновенность «суверенной демократии», одинокий россиянин переживает о сохранении «традиционных семейных ценностей» и т.п. И, с другой стороны, оно дает образ «соседа-неудачника» или «врага» в лице украинца, американца, европейца, по отношению к которым можно почувствовать себя сильнее, богаче, добродетельнее, утвердить себя и получить эмоциональное возмещение за несвободу в действительной жизни.

Национальный вопрос как отображение внешнеполитических противоречий

Отношениям России с другими странами объективно присущи противоречия, выражающиеся в борьбе за сферы приложения капитала. Здесь положение России двойственно: с одной стороны, она слабее Запада как его «сырьевой придаток», с другой стороны, сильнее «ближнего зарубежья» как собственник природных ресурсов. Поэтому российский капитализм, уступая западному в «дальнем зарубежье», борется за «постсоветское пространство» – за свою экономическую выгоду, за свои рынки сбыта. И в этой борьбе нет «хороших» или «плохих», а есть капиталы (= государства), одинаково чуждые и своему народу, и чуждому.

Осознание противоречий между государствами сопряжено с осознанием противоречий внутри государства (общества) – они имеют общие корни в отчужденных «формах общения». Поэтому искаженное осознание одних влечет искаженное осознание других. И в результате экономические противоречия между капиталами с благословения властей отображаются как противоречия национальные (цивилизационные). Такое отображение придает романтизм неромантической борьбе и способствует мобилизации народа в чуждых ему целях – к примеру, ни один народ не будет биться за право быть ограбленным российским или европейским капиталом, но может и будет биться за «славянское братство» или «европейские ценности». Цивилизационная общность, взятая в аспекте оппозиции к «другому», обосновывает контроль над определенными территориями, отношения господства и подчинения (старшего – младшего, учителя – ученика), закрепляет несвободу как национальную самобытность.

Национальный вопрос и «снятие» противоречий